

Николай Викторович Разуваев,
главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ И ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Academic Periodicals and Legal Communication

Одной из важных задач, стоящих перед любым периодическим изданием (и журнал «Теоретическая и прикладная юриспруденция» здесь исключения не составляет), является участие в формировании исследовательской повестки и тем самым определение путей развития отечественной науки, как на ближайшее время, так и в более отдаленной перспективе. В самом деле, если мы задумаемся над тем, какую миссию выполняли журналы в нашей стране начиная с XIX столетия, с полным на то основанием получившего признание в качестве «золотого века» русской журналистики, то поймем, что данный социокультурный феномен изначально имел своей целью не только доведение до широкой читательской аудитории произведений художественного творчества и результатов научно-исследовательской деятельности.

Хотя тиражирование научных и литературных текстов являлось бесспорным и осязаемым достижением «эпохи Гутенберга», сделавшей доступным любому грамотному человеку то, что на протяжении многих столетий составляло сакральную тайну, тщательно скрывааемую в тишине монастырских скрипториев, научных лабораторий и университетских библиотек, в этом всё более массовом тиражировании не следует видеть единственное предназначение журнала как социокультурного и исторического феномена. Примечательно, что, по мере того как получают распространение журналы и иные печатные издания, утрачивает свое значение индивидуальная корреспонденция, являвшаяся важным жанром научной литературы в античности, в Средние века и даже в XVI–XVII вв., когда печатный станок начинает всё активнее влиять на процессы культурной, в том числе правовой, коммуникации.

Характерно, что в это время практически не издавались научные статьи как произведения малого жанра, посвященные обсуждению конкретных вопросов и частных результатов исследований, в этом качестве выступали письма, имевшие одного или нескольких адресатов и (по крайней мере, изначально) не предназначенные для широкого опубликования¹. Такая переписка заметно сокращала объем общедоступной научной информации, содержащейся в основном в развернутых сочинениях монографического характера². Ситуация кардинально меняется с появлением периодических печатных изданий, не

© Разуваев Н. В., 2026

© Razuvaev N. V., 2026

¹ См. подробнее: *Калашников С. Г.* Переписка как форма научной коммуникации раннего Нового времени // Язык: категории, функции, речевое действие. В 3 ч. Ч. I. М.: МГПУ; Коломна: ГСГУ, 2022. С. 47.

² С учетом сказанного представляются совершенно фантастическими творческие возможности некоторых античных и средневековых мыслителей и ученых, создававших сотни текстов, каждый из которых являлся полноценной «монографией», в современном значении данного слова. В этом отношении весьма показателен пример древнегреческого философа-стоика Хрисиппа (III в. до н. э.), который, по словам Диогена Лаэртского, «трудолюбием... превзошел всех и каждого — это видно из его сочинений, число которых свыше 705». (*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.* М.: Мысль, 1986. С. 300). Приведенный пример свидетельствует об уникальной даже по современным меркам плодовитости авторов догутенберговской эпохи, чья способность к текстопорождению ограничивалась лишь спецификой письменного материала, т. е. его дороговизной и необщедоступностью. См.: *Рожественский Ю. В.* Введение в общую филологию. М.: Высшая школа, 1979.

только давших авторам возможность оперативно и своевременно размещать на их страницах свои работы, имевшие относительно небольшой размер и узкий предмет обсуждения, но и активизировавшие процесс осмысления тех явлений, которые возникали в окружающей социальной реальности.

Так, уже в Российской империи влиятельные журналы (такие, например, как «Отечественные записки», «Современник», «Москвитянин», «Вестник Европы» и др.) играли ведущую роль в обсуждении злободневных проблем общественной жизни, выступая центрами притяжения для культурных и политических деятелей, разделявших программу соответствующих журналов, что позволяло этим последним воздействовать на свою аудиторию, устанавливая цели и перспективные направления научного поиска, а также практической деятельности. Стоит отметить, что на раннем этапе своего развития «толстые» журналы (в том числе журналы юридические) занимали промежуточное положение между современным специализированным периодическим изданием и альманахами, где публиковались поистине безразмерные произведения, ярким примером чему служит хрестоматийная статья Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве», объем которой составлял почти 10 авторских листов, не разделенных на какие-либо смысловые структурные единицы³.

Подобное смешение форматов, вызывавшее критику уже в ту эпоху (вспомним иронические замечания Ф. М. Достоевского, вложенные писателем в уста одного из своих персонажей)⁴, отнюдь не покажется странным с учетом того обстоятельства, что и многие современники Добролюбова, в том числе Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, М. А. Антонович и др., рассматривали жанровые требования, предъявляемые к журнальным статьям, в качестве ни к чему не обязывающей условности. Эта традиция получила свое развитие и в советский период, примерами чему могут служить «Новый мир», «Октябрь», «Звезда» и другие «толстые» журналы, на страницах которых соседствовали литературные произведения, научные исследования, публицистические статьи, а порой информация о наиболее важных политических событиях, технических достижениях, художественных выставках и иных значимых явлениях, формировавших тот необходимый контекст, в котором журнальные публикации приобретали многомерность, наполняясь новыми смыслами. Неслучайно в наши дни ученые старшего и среднего поколения, к числу которых я отношу и самого себя, воспитанные на советских толстых журналах, воспринимают жесткие ограничения объема журнальных статей (равно как и сами по себе малые жанры, к которым тяготеют эти последние) в качестве ничем не оправданной меры, препятствующей полноценному раскрытию научной мысли и ее всестороннему обоснованию.

Бесспорно, универсальные издания, о которых шла речь, сейчас утрачивают присущее им значение, сама их необходимость ставится под сомнение в цифровом пространстве, где любой желающий может получить разнообразную информацию, отвечающую его потребностям и вкусам. Примечательно, что одной из немногих областей культурной коммуникации, где и сегодня сохраняют свое значение периодические издания, является коммуникация правовая, в самом широком смысле включающая в себя, наряду с доктринальным творчеством и юридическим консультированием, порождение законодательных и иных текстов, выполняющих регулятивную функцию. Это обусловлено спецификой правовой коммуникации, которая, по словам А. В. Полякова, «связана как с познанием, так и с отношением к познанному, а также и с действием в соответствии с познанным. Поэтому социальная коммуникация включает в себя информационный (рациональный), эмоционально-ценностный (иррациональный) и праксеологический (деятельный) уровни»⁵.

Одним из необходимых условий правовой регуляции, трактуемой в качестве коммуникативного взаимодействия между адресантом и адресатами правовых предписаний, является, как известно, формальная определенность последних, достигаемая посредством опубликования нормативных актов (законов и подзаконных актов) в официальных источниках с целью доведения указанных актов до сведения адресатов в аутентичном виде. Очевидно, что официальный характер в данном случае будет выступать

³ См.: Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. VI / Под ред. В. П. Кранихфельда. СПб.: Типо-литография АО «Самообразование», 1911. С. 15–141.

⁴ См.: Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1973. С. 135–136.

⁵ Поляков А. В. Право и коммуникация // Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: избранные труды. СПб.: Алет-Пресс, 2014. С. 25.

своеобразной гарантией соответствия содержания коммуникативным задачам сторон, исключающей различного рода конфликты интерпретации, затрудняющие его практическое применение. С учетом же того обстоятельства, что в любой нормативный правовой акт в течение всего периода его действия вносятся неоднократные изменения, подчас значительно трансформирующие содержание соответствующего акта, важной практической задачей становится своевременное опубликование данных изменений, делающее необходимой юридическую периодику.

Что касается эпистемологического (научно-рационального) аспекта правовой коммуникации, здесь также возникает проблема, аналогичная той, которая была отмечена выше, применительно к нормативным юридическим актам. Речь идет о необходимости доведения результатов научных исследований до сведения широкой читательской аудитории. Причем, подобно тому, как условный «законодатель», выступающий автором и адресантом нормативных правовых предписаний, вносит систематические изменения в нормативный акт, стремясь достичь его наиболее полного соответствия эволюционирующей социальной действительности, точно так же и автор научной работы свободен вносить в нее любые изменения до тех пор, пока она не будет опубликована на страницах журнала или иного издания.

Попутно следует уточнить, что в сфере нормативной коммуникации законодатель является хотя и ведущим, но далеко не единственным создателем юридических текстов. В самом деле, в различных культурно-исторических условиях и в рамках различных правовых традиций регулятивная функция может реализовываться различными субъектами, обладающими авторитетом, достаточным для того, чтобы устанавливать правила поведения. К вопросу о неоднозначности данного термина в диахронной ретроспективе мне уже неоднократно приходилось обращаться, в том числе на страницах журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», поэтому здесь под «правилом» я понимаю не только норму общего характера, рассчитанную на неоднократное применение и неограниченно широкий круг лиц, но и в принципе любое предписание, исполнение которого обязательно для адресата.

Заслуживают особого внимания ситуации неофициального нормотворчества, прежде всего доктринального, в котором регулятивная функция оказывается неотделимой от эпистемологической⁶. В пределе юридическую коммуникацию уместно рассматривать в качестве своеобразной автокоммуникации, осуществляемой человеческим сообществом как органической целостностью, имеющей своей конечной целью конструирование правовой реальности разнообразными знаково-символическими средствами⁷. Поэтому можно сделать вывод, что в юридической коммуникации на всех ее уровнях тексты (будь то тексты нормативные или научно-эпистемологические) существуют лишь постольку, поскольку они доведены до сведения адресатов, то есть условием их бытия в качестве смыслового единства, обладающего завершенной семиотической формой, выступает вовлечение в процессы общения между автором и аудиторией.

Таким образом, периодические издания (в том числе научные журналы) играют роль необходимого средства правовой коммуникации, в отсутствие которого сама эта последняя становится затруднительной, если вообще возможной. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, вспомним проблемы, возникавшие в дожурнальную (вообще в «догутенберговскую» эпоху), когда для обнародования юридических текстов приходилось использовать различного рода «эрзацы», более или менее успешно замещавшие собой официальные источники опубликования. Например, в Римской империи III–V вв. в этой роли выступали своеобразные «справочники» (кодексы), составленные юристами для использования в работе должностных лиц и принятия решений в судах.

В дальнейшем эту традицию, у истоков которой стояли *Codex Gregorianus*, *Codex Hermogenianus*, а также *Collatio Legum Romanorum et Mosaicarum*, продолжили уже официальные кодификации, самой известной из которых являлся Свод гражданского права (*Corpus Iuris Civilis*) императора Юстиниана. В каждой из таких кодификаций их составители стремились достичь высокой степени формальной определенности правовой информации, устранив разночтения, порождаемые несовершенством источников

⁶ См.: Новиков П. Д. Доктринальный фактор правовой коммуникации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 15–23. DOI: 10.5922/vestnikhumb-2025-1-2

⁷ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 163 и след.

и каналов связи, в том числе существованием многочисленных и зачастую конкурирующих между собой рукописей, содержащих различные неточности, а также ошибки в воспроизведении соответствующего материала⁸. С переходом от графической к печатно-графической коммуникации повышается, с одной стороны, уровень формальной определенности научных и иных юридических текстов, с другой стороны, степень ответственности их адресатов, на которых самой культурой налагается обязательство исключать произвольные интерпретации, лежащие в основе противоправного, а также иных видов девиантного поведения.

В условиях смысловой неопределенности, присущей «ситуации постмодерна»⁹, происходит проблематизация тех принципов, включая принципы аксиологические, на которых зиждилась правовая коммуникация в «Галактике Гутенберга». Одним из наиболее тревожных проявлений указанной тенденции являются попытки переосмыслить, с позиции тотального релятивизма, многие устоявшиеся юридические ценности и категории, в частности, категорий преступления, девиации и т. п., поддержанные, к сожалению, отдельными криминологами (в том числе такими влиятельными учеными, как Я. И. Гилинский), излишне, на мой взгляд, буквально воспринявшими интеллектуальную программу постмодернизма. В этой связи возникает проблема, требующая особо пристального внимания и обсуждения на страницах юридической периодики, в том числе и нашего журнала, а именно проблема аксиологической природы правовой коммуникации и соотношения универсальных и партикулярных аспектов основных юридических ценностей.

На мой взгляд, специфика правовых ценностей, прежде всего таких, как гуманизм, справедливость, ответственность, юридическое равенство и т. п., определяется следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, основываясь на принципе взаимного признания, выступающем необходимой онтологической предпосылкой правового общения¹⁰, эти ценности изменяются во времени, причем данные изменения во многом имеют поступательный характер, поскольку в них с течением времени получает всё более глубокую и всестороннюю реализацию взаимное признание индивидов. Соответственно этому совершенствуются формально-логические, знаково-символические, а также иные средства правового общения.

Как следствие, эволюция правовой коммуникации может быть представлена как стадийный процесс, на каждом последующем этапе которого возникают новые, более совершенные способы конструирования правовой реальности, категоризирующие ее аксиологическую основу, а именно юридические факты, субъективные права и обязанности, а в дальнейшем — юридические нормы и нормативные комплексы, в которых правовые ценности приобретают общезначимость для неограниченного круга субъектов коммуникации¹¹. Во-вторых, по своей природе правовые ценности принадлежат (в отличие от рассматриваемых ранее) уже не к одной только материи социального мира, но и к его духовному бытию, и в этом своем качестве они непосредственно связаны с духовными ценностями более высокого порядка, а именно с ценностями моральными, выступающими аксиологическими коррелятами юридических ценностей, эстетическими и религиозными.

Характерной чертой правовых ценностей следует считать их тесную связь с культурными традициями, каждая из которых имеет уникальный характер и контекстуально обусловлена социально-психологическими, культурно-историческими и цивилизационными особенностями народа, являющегося носителем соответствующей традиции. Традиционность правовых ценностей означает их неизменяемость в перспективе «долгого времени», позволяющую таким ценностям выполнять интегративную функцию, обеспечивая историческую преемственность, способствующую передаче социального и культурного опыта от поколения к поколению. Именно обусловленность историческими традициями выступает предпосылкой известной смысловой амбивалентности большинства духовных ценностей, включая ценности

⁸ См. подробнее: *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. С. 167 и след.

⁹ См. об этом: *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 2001.

¹⁰ См.: *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 6. С. 55 и след.

¹¹ См.: *Хофельд У.* Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3 (302). С. 212.

правовые, которые, с одной стороны, обладают наивысшей степенью релевантности для всех носителей традиции, воспринимающих укорененные в ней ценности как нечто естественное и самоочевидное, причем самоочевидное не только рефлексивно, но и интуитивно.

С другой стороны, множественность культурных традиций, каждой из которых присущи собственные языковые универсалии и основанная на них ментальность, а также специфическая для данной традиции картина мира, предопределяет известную множественность, плюралистичность в интерпретации духовных ценностей как в синхронии, так и в диахронном измерении. Необходимым (и неизбежным) моментом ценностного плюрализма служат конфликты интерпретаций, выступающие водоразделами для различных традиций, в том числе исторически восходящих к одному и тому же истоку¹².

Плюрализм культурных традиций, от которых неотделимы духовные ценности, в том числе ценности правовые, создает предпосылки не только для конфликтов интерпретаций юридических текстов, но и для диалога культур и цивилизаций, направленного на достижение, пусть и в отдаленной исторической перспективе, общечеловеческого единства, проявляющегося в том числе и в многообразии ценностей. Полагаю, что важная миссия любого периодического научного издания состоит в том, чтобы обеспечить это единство в многообразии, обеспечивающего взаимопонимание и взаимное признание участников правовой коммуникации на основе общих для них ценностей.

---

¹² См.: Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. С. 100.